

Великая малонаселенная держава

Россия-2013: высокая смертность,
низкая рождаемость

Анатолий Вишневский

2003

XX век стал веком небывалого в истории роста мирового населения. XXI будет, скорее всего, веком нового Великого переселения народов. Эта не столь отдаленная перспектива, приближение которой отмечается уже сегодня, крайне слабо осознана политиками и аналитиками, разрабатывающими стратегии будущего. Мы все находимся в положении генералов, готовящихся к прошлой войне, и пытаемся въехать в третье тысячелетие с привычными стратегемами, концепциями и правовыми понятиями XX, а то и XIX столетий. А ведь даже если бы все в мире оставалось таким, как было прежде, одних только уже случившихся демографических изменений было бы достаточно, чтобы сделать достоянием исторических музеев самые продвинутые сегодняшние разработки и концепции.

Новая мировая демографическая обстановка бросает небывалый вызов всем странам. В настоящей статье он рассматривается лишь в той мере, в какой затрагивает Россию, хотя ее положение, несмотря на несомненную специфику, типично для многих стран.

ВЫДЕРЖИМ ЛИ СРАВНЕНИЕ С 1913 РОДОМ?

Многие поколения россиян, выросшие в СССР, привыкли к тому, что их реальные или мнимые достижения сравнивали с 1913-м. Последний мирный год Российской империи перед катастрофа-

---

А.Г. Вишневский – доктор экономических наук, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН.

ми Первой мировой войны и революции стал общепринятым эталоном, тем более что сопоставление, как казалось, демонстрировало продвижение страны по пути прогресса. Однако демографические итоги периода, отделяющего 1913-й от 2013 года, выглядят крайне противоречивыми. Десятилетие, оставшееся до этой условно выбранной даты, обещает дальнейшее сокращение населения России, а сравнение с 1913-м будет все менее и менее выгодным.

Минувшее столетие стало для России временем демографической модернизации, в результате которой в стране с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, тот, что господствует сейчас во всех промышленно развитых городских обществах. Возобновление поколений обеспечивается в условиях низкой смертности и низкой рождаемости, тогда как еще в начале XX века население России воспроизводилось, достигая средневеково высоких уровней того и другого. Теперь, чтобы добиться прежнего воспроизводственного результата, нужно рожать гораздо меньше детей; весь процесс воспроизводства населения стал намного более эффективным, менее «энергоемким», чем в 1913 году.

Этот фундаментальный сдвиг сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, увеличение продолжительности жизни, эмансипация и самореализация женщины, демократизация семейных отношений, растущие удельные инвестиции в детей, развитие образования и пр. Однако этот же сдвиг поставил страну перед очень серьезными вызовами, на которые ей придется отвечать в наступившем столетии.

ВЫСОКАЯ СМЕРТНОСТЬ

Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних вызовов – высокая смертность, которая продолжает расти.

Разумеется, в ходе демографической модернизации процесс вымирания поколений в России, как и везде, изменился коренным образом. К середине 1960-х смертность резко снизилась по сравнению с 1913 годом, ожидаемая продолжительность жизни выросла у мужчин почти вдвое, а у женщин – более чем вдвое (см. табл. 1).

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни в России, лет

Год	Ожидаемая продолжительность		Прирост по сравнению с 1913 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1913	33,6	36,2		
1964	65,1	73,6	31,5	37,4
2001	59,0	72,3	25,4	36,1

Однако успехи оказались кратковременными. Наилучшие показатели продолжительности жизни были достигнуты в 1964-м, впоследствии смертность у нас не уменьшалась, как в других странах, а оставалась на одном уровне или росла. К началу нового века ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин, заметно снизилась, а сократившееся было отставание от других развитых стран снова стало очень большим, иногда даже превышая соответствующий показатель 1913 года (см. табл. 2).

Таблица 2. Отставание России по показателю ожидаемой продолжительности жизни от некоторых стран, лет

Страна	Мужчины			Женщины		
	1913 г.	1964 г.	2001 г.	1913 г.	1964 г.	2001 г.
США	18,1	1,7	15,2	19,2	0,2	7,6
Франция	15,8	2,6	16,5	17,3	1,3	10,7
Швеция	23,6	6,5	18,5	23,8	2,4	9,8
Япония	10,6	2,5	18,8	8,5	-0,8	12,3

Оставим историкам выяснять, что происходило в СССР после 1964-го, но демографу очевидно, что снижение смертности не относилось к числу первоочередных задач, которые решались российским обществом в последней трети XX столетия. Изменения структуры смертности резко замедлились и остались незавершенными. Страна несла огромные людские потери. Приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 миллионов преждевременных смертей за 1966–2000 годы. Из них свыше 5 миллионов – преждевременные смерти в возрасте до 65 лет, более чем на 80% – мужчин. Далеко не всякая война способна причинить такое разорение.

Когда речь идет о провале подобных масштабов, дело не сводится к действию отдельных, даже весьма важных факторов. Нужны систем-

ные объяснения, требующие критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счете – их серьезного пересмотра.

Пока это не сделано, положение продолжает ухудшаться. Сейчас многие склонны искать корни сегодняшнего неблагополучия со смертностью в событиях, имевших место в России 1990-х годов. Однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин – менее 59 лет в 2001-м – находится на линии тренда, который сложился в 1963–1983 годах, и который пока не удалось изменить.

Вполне успешной можно было бы считать ситуацию, если бы к 2013-му удалось по меньшей мере вдвое сократить наше нынешнее отставание по смертности от Запада, но пока нет никаких признаков движения в этом направлении и даже частичного преодоления длящегося уже четыре десятилетия кризиса смертности. Перчатку смертельного – в буквальном смысле слова – вызова поднять пока никто не осмелился.

НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ

Проблема высокой смертности – один из важнейших демографических вызовов для России, но она не является, собственно, вызовом модернизации. Скорее это следствие действия факторов, препятствующих ее завершению. Другие же вызовы, как правило, порождены именно глубокими модернизационными изменениями, укоренены не в прошлом, а в настоящем и будущем, а поэтому более опасны. В их числе, в частности, вызов низкой рождаемости.

В 2000 году в России отмечена минимальная рождаемость за всю историю – 1,21 рождения на одну женщину. При имеющемся уровне смертности в стране это обеспечивало замещение поколений всего на 57%. Небольшое повышение рождаемости в последние годы еще не повод для оптимизма, колебания уровня рождаемости под влиянием конъюнктурных факторов – демографических и недемографических – возможны. Но нет оснований рассчитывать на повышение рождаемости до уровня хотя бы простого замещения поколений (2,1–2,2 рождения на женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х.

В послевоенный период Россия впервые опустилась ниже планки простого воспроизводства еще в 1964 году – раньше боль-

шинства развитых стран. Ныне низкая, а в последнее время очень низкая рождаемость характерна для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых государств. В последнем году минувшего столетия во всем развитом мире, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, причем многие из них находились в одном ряду с Россией (Германия и Польша – 1,34; Италия – 1,25; Испания и Словения – 1,22; Чехия – 1,14 и т. д.). Ниже уровня простого замещения поколений рождаемость опустилась даже в Китае.

Сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах свидетельствует о том, что специфически российского кризиса нет. Речь, скорее всего, идет об общем кризисе современной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной отдельно взятой стране.

Но кризис ли это? Может быть, стоит говорить не о катастрофичности низкой рождаемости, а о создаваемых ею предпосылках внутренней перестройки всего «общественного тела»? Перестройки, позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Привлекательность низкой рождаемости для большинства населения глубоко укоренена в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

Больше того, если глобализация, о которой столь много говорится сегодня, не пустой звук, то и такую тенденцию, как снижение рождаемости, следует рассматривать не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном контексте. И видеть в ней естественную системную реакцию на общемировую демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты.

Сегодня главная демографическая проблема человечества в целом – не недостаток людей, а их избыток. Поэтому с точки зрения общепланетарных интересов снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства – не зло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Соответственно снижение рождае-

мости в России, как и во всем промышленно развитом мире, можно рассматривать лишь как эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности населения планеты. Тогда в низкой рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса современной цивилизации, как это представляется многим, а, напротив, доказательство ее огромных адаптивных способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в серьезную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующие за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет собой немалую угрозу. Тем не менее анализ демографической составляющей глобального развития приводит к очевидному выводу. В условиях, когда главной заботой стало замедление роста мирового населения, просто наивно думать, что адекватным ответом на новую ситуацию в мире могут стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России. Гораздо более вероятно, что рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения – суженным на долгое время. Это означает по меньшей мере еще два серьезных вызова, которые придется принять России, – демографическое старение и депопуляция.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ

Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 году до 11,9% в 1970-м, 18,7% в 2001-м и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском союзе в целом она составляет 21,5%, в Японии – 23,7%. Такое же будущее ожидает и Россию. Возрастная пирамида необратимо изменяется, потому что снижение смертности коренным образом преобразует структуру жизни поколений. Увеличивается время, проживаемое в средних и старших возрастах, а соответственно и доля этих возрастов в совокупном времени жизни каждого поколения.

Экономические и социальные последствия старения обсуждаются уже не одно десятилетие. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Отрицательный вклад «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Не исключено, однако, что такая оценка является излишне односторонней, вызвана «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни? То есть тех периодов, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства. Разумно ли, что, до глубокой старости достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то потреблять?

Разумеется, как и всякие перемены, переход к новой структуре времени жизни порождает проблемы адаптации социальных институтов к новым демографическим реальностям. Развитие пенсионных систем – один из главных ответов на быстрый рост доли пожилых людей в XX веке. Нынешний рост «пенсионерской нагрузки» бесспорен, но почему он воспринимается с таким драматизмом? Ведь уже сами демографические перемены создали экономическую возможность ответа на этот вызов. Вместе со снижением смертности возрастает совокупное число человеколет не только потребления, но и производства. Причем возрастает приблизительно в той же пропорции, так что соотношение времени, прожитого в «периоде иждивенчества» и «периоде производства», практически не меняется. Одного этого факта достаточно для того, чтобы не драматизировать старение как демографическую пробле-

му. Дети-иждивенцы потребляют до того, как начали производить (так сказать, авансом). Пожилые же люди переходят в положение иждивенцев после того, как заканчивают рабочую жизнь, – так что их потребление заранее оплачено их же трудом.

В России распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общую экономическую ситуацию.

Между тем никаких чрезвычайных, необычных для России изменений возрастной структуры населения до конца XX столетия не происходило. Население, конечно, старело, но не следует забывать, что та его часть, которая находится в «периоде производства», обеспечивает оба «периода иждивенчества» – не только в старости, но и в детстве. А совокупная нагрузка на трудоспособное население изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами.

В послевоенное время совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно. Это было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, сформировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и потрясений первой половины XX века. Сама по себе тенденция старения не приводит к слишком большому изменению совокупной нагрузки, а проявляется главным образом в замене типа иждивенцев: пожилые вместо детей.

В результате с точки зрения возрастного состава населения Россия к рубежу веков оказалась в условиях едва ли не лучших за весь послевоенный период. Нагрузка пожилыми, конечно, продолжала расти, но совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой (см. табл. 3).

Таблица 3. **Нагрузка на 1 000 лиц в трудоспособном возрасте (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 года)**

	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Нагрузка пожилыми	183,0	202,9	269,8	273,6	322,2	346,3
Общая нагрузка	732,3	741,5	777,6	656,1	750,0	682,0

Изменения возрастной структуры населения России будут продолжаться еще очень долго, население будет стареть. Тем важнее предостеречь от панической драматизации последствий этого процес-

са. Скорее всего, истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как представляет современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий старения. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Ричард Истерлин, «необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат по содержанию пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов».

Чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стало политически приемлемым, нужны социальная философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нет нигде. Скорее всего, они сформируются и получат признание лишь по завершении переходного периода, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой вершиной. А до тех пор будет казаться – без достаточных к тому оснований, – что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

Впрочем, заканчивать этот раздел на слишком умиротворяющей ноте было бы неосмотрительно. Во-первых, развитые страны, увлеченные собственными проблемами, явно недооценивают опасностей слишком молодой возрастной структуры развивающегося мира. Совокупная нагрузка детьми и пожилыми, составляющая в развитых странах 800 на тысячу лиц в возрасте 20–59 лет, в бедных государствах с быстро растущим населением повышается до 1 000 и более (например, в Нигерии, которая по численности населения скоро перегонит Россию, она достигает 1 450 на 1 000). Главная

причина – огромная нагрузка детьми. Если в России она составляет 464 на 1 000, то в Китае – 585, в Бразилии – 723, в Индии – 872, в Нигерии – 1 339. Уже одно это создает огромные экономические трудности для развивающегося мира, намного более острые, чем проблема старения для развитых стран.

Во-вторых, вызов старения имеет не только экономический аспект. Сегодня на одного жителя в развитых странах приходится четыре представителя развивающегося мира. Но среди детей и молодежи в возрасте до 20 лет это соотношение превышает семь: 2,1 млрд детей и подростков в странах Юга против менее чем 300 млн в странах Севера. В XXI веке зажиточному стареющему усталому Северу не раз придется принимать вызовы бурлящего молодостью Юга, которому нечего терять, кроме своих цепей. Готов ли к этому Север? Готова ли к этому Россия, его неотъемлемая часть?

ДЕПОПУЛЯЦИЯ

В 1913 году население России в ее нынешних границах составляло 90 миллионов. В последующие десятилетия в стране разворачивались наиболее активные фазы демографического перехода, которые, как правило, сопровождается ускоренным ростом населения. Но у нас потенциальный демографический взрыв был сведен на нет огромными людскими потерями в катастрофах первой половины столетия, и шанс заметно увеличить население был необратимо упущен. Тем не менее после всех катаклизмов население увеличивалось благодаря естественному приросту, который долгое время оставался высоким и помогал закрывать многие бреши. Благодаря ему, в частности, страна вышла из демографического кризиса, вызванного Второй мировой войной. В 1955-м была достигнута довоенная численность населения, и еще примерно в течение десяти лет – до второй половины 60-х годов – его естественный прирост позволял не только поддерживать общий прирост населения, но и «отдавать» некоторую его часть в другие республики СССР.

Но затем, вследствие падения рождаемости, прекращения снижения смертности, а также по причине того, что стало давить себя знать старение населения, естественный прирост начал быстро сокращаться. В 1964-м коэффициент естественного прироста населения России впервые опустился ниже 10 на тысячу, в 1967-м – ниже

семи. С того времени он уже никогда не поднимался до такого уровня, колебался в основном в пределах от 5,5 до 6,5 на тысячу, лишь иногда выходя за эти пределы. В конце 1980-х годов колебания сменились быстрым падением естественного прироста, а с 1992-го, когда население России достигло своего исторического пика – 148,7 миллиона человек, коэффициент стал отрицательным, что и повлекло за собой общую убыль населения. К началу 2003 года убыль превысила 5,2 млн, или 3,5% (если исходить из текущих оценок численности населения Госкомстатом России – 143,1 млн человек. По предварительным данным Всероссийской переписи населения, число жителей страны на 9 октября 2002-го составляло 145,3 млн).

Нынешнее – четвертое после 1913 года – сокращение населения России сильно отличается от трех предыдущих, вызванных острейшими социальными потрясениями: Первой мировой и Гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х, Второй мировой войной. Сейчас убыль обусловлена устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому не приходится рассчитывать, что в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны. Все авторы демографических прогнозов сходятся на том, что убыль населения в России примет затяжной характер.

В частности, по «среднему» варианту новейшего (2002) прогноза ООН, к 2050 году численность населения нашей страны сократится по сравнению с 2000-м примерно на 30% и составит 101,5 млн человек. К похожим результатам приходят и российские прогнозисты.

В принципе можно найти немало доводов в пользу того, что сокращение населения – не всегда беда, а его рост – не всегда благо. Однако, обращаясь к конкретным условиям России, нельзя не видеть, что для нее убыль населения крайне невыгодна.

Россия по-прежнему относится к крупнейшим по числу жителей странам мира. Но очевидно несоответствие между ее населением и размерами территории, протяженностью границ, масштабами пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т. п. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, однако особенно ощутимыми эти факторы стали после распада СССР, от которо-

го Россия унаследовала три четверти территории, но только половину общего числа жителей.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России – 27, в США – 29 человек на 1 кв. км), то по сравнению с промышленными странами Западной Европы не слишком населено даже ее историческое ядро. Одна пятая населения сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62 человек на 1 кв. км.) почти вдвое ниже, чем в Европейском союзе (119 на 1 кв. км). Что же касается азиатской части России, то там на территории, составляющей 75% страны, проживает всего 22% ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения имеющихся здесь природных богатств и создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры.

Общая ограниченность российского демографического потенциала сказывается не только на размещении населения по регионам, но и на развитии структуры населенных мест. Хотя по доле городского населения (73%) Россия находится на среднеевропейском уровне и не слишком отличается от таких стран, как США (75%) или Япония (77%), ее городское население «размазано» по большому числу поселений, тогда как сеть крупных городов развита слабо. После распада СССР в России осталось 13 из 24 бывших советских городов-миллионеров (по данным текущего учета населения, к началу 2002 года их было всего 10), из них только два – к востоку от Урала. (По предварительным данным Всероссийской переписи населения-2002, городов-миллионеров и сейчас 13, но в некоторых случаях минимальное превышение заветной планки заставляет подозревать искусственные натяжки.) Всего два российских города насчитывают свыше 2 млн жителей (в США 14 городов имеют население свыше 2 млн человек, из них 8 – свыше 3 млн). Конечно, «недоразвитость» крупных городов – свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных региональных и межрегиональных столиц. Но есть и обратная связь: отток городского населения к нескольким крупным центрам не позволяет сложиться крупным региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов.

Таковы лишь некоторые внутренние трудности, с которыми Россия сталкивается уже сейчас из-за недостаточности своего нынешнего населения и которые она тем более будет испытывать при его сокращении. Но есть еще и внешние трудности, связанные с положением России в мировом сообществе.

Страна стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 году на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, на долю собственно России – 4,4%. Даже в 1950-м доля собственно России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР – 7,1% населения планеты.

Сейчас доля России не превышает 2,4% мирового населения и быстро сокращается. Согласно уже приведенному выше прогнозу ООН, к 2050 году она сократится до 1,1%. В 1913-м Российская империя уступала по численности населения только Китаю и Индии. В 1950-м Россия в ее нынешних границах занимала четвертое место в мире после Китая, Индии и США. Сейчас она на седьмом месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия и Пакистан), а к 2050 году может сместиться на 18-е, пропустив вперед Египет и ряд других африканских стран, а также Бангладеш, Мексику, Филиппины, Вьетнам, Японию и Иран.

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши – это самая большая в мире, богатая природными ресурсами, но крайне слабо заселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, некоторые из которых имеют претензии на российские земли.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России. А возможно ли остановить этот процесс?

Причины потери Россией высокого места в мировой демографической иерархии имеются как внутри страны, так и вовне. О внутренних причинах, связанных с демографической модернизацией вообще и ее советской моделью в частности, говорилось выше. Внешняя причина – мировой демографический взрыв, который резко ускорил рост населения развивающихся стран, – также связана с демографической модернизацией, на сей раз глобальной. Ни первую, ни тем более вторую причину отменить нельзя. Чем же можно ответить на этот, как, впрочем, и на другие демогра-

фические вызовы XXI века? Если маршрут движения к сокращению уровня смертности более или менее ясен и вопрос заключается лишь в том, как обеспечить движение по нему, то в других случаях отнюдь не ясен и сам маршрут. Чем можно ответить на снижение рождаемости, старение населения, отрицательный естественный прирост? И даже если ответ будет найден, не породит ли он новые вызовы, еще более опасные, чем прежние?

ИММИГРАЦИЯ

Все эти вопросы не праздные, потому что пока налицо единственно возможный ответ на многие из названных выше демографических вызовов – крупномасштабная иммиграция. Сейчас только она способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения России да и всех остальных «постпереходных», промышленных и урбанизированных стран. Но иммиграция несет с собой новые риски и опасности.

По оценкам, чтобы поддерживать численность населения России на уровне начала XXI века (146 млн), нужно было бы, начиная с первого года нового столетия, принимать ежегодно в среднем более 700 тыс. человек (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 1,2–1,3 млн в 2030–2035 годах (речь, разумеется, идет о порядке величин, а не о точных цифрах).

Пока эти расчетные величины мало соответствуют действительности. В последней четверти XX века миграционный прирост населения России составлял в среднем всего 232 тыс. человек в год. Сейчас главные поставщики иммигрантов – страны СНГ и Балтии. Миграционный прирост населения за счет этих стран в 1990–1999 годах (4,3 млн) был намного большим, чем за 1980–1989 годы (1,6 млн). Но прирост увеличился не потому, что в Россию въезжало больше мигрантов, а потому, что из нее меньше выезжало. Собственно же иммиграция сокращается. Если за 1981–1990 годы в Россию из бывших союзных республик прибыло 8,9 млн человек, то за 1991–2000 годы – всего 6,9 миллионов. Кроме того, Россия теряла часть жителей за счет их эмиграции в дальнее зарубежье, так что общий миграционный прирост ее населения за 1990–1999 годы составил всего 3,3 млн человек – меньше, чем в Германии за то же время (3,8 млн). Даже если сделать поправку на неполноту учета

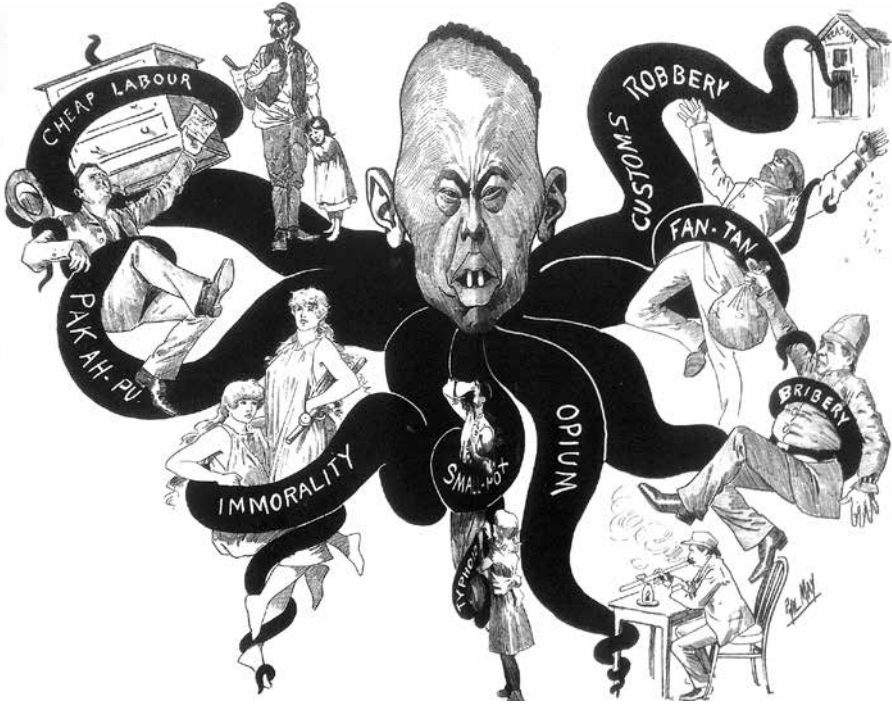
миграции между новыми независимыми государствами в 1990-е, едва ли можно оспорить факт сокращения (а не роста, как часто думают) притока мигрантов в Россию.

В случае одобрения стратегии по исправлению демографического положения за счет миграции пришлось бы приложить немалые усилия по наращиванию притока мигрантов. Однако само принятие такой стратегии весьма проблематично: она не находит поддержки в обществе. Антииммиграционные настроения существуют во многих европейских странах, но там они возникли, как реакция части общества на реальное присутствие значительного числа иммигрантов. В России же неблагоприятное отношение к иммиграции обозначилось еще до того, как сформировались сколько-нибудь значительные ее потоки. В стране сложилась своеобразная мифология, преувеличивающая как количество иммигрантов (в то время как миграционные потоки, во всяком случае регистрируемые, уменьшаются), так и негативные последствия их присутствия. Настаивать на привлечении в Россию большого числа иммигрантов сейчас политически рискованно.

Но и уклониться от «иммиграционного ресурса» невозможно: есть опасность, как это не раз бывало с Россией, лишь сильно опоздать с принятием нужных решений. Закрыть двери перед иммигрантами – значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения население/территория и т. д. Опыт большинства развитых государств говорит о возможности другого пути.

Так, в Германии отрицательный естественный прирост населения начался намного раньше, чем в России, и остается таковым уже больше 30 лет. Однако после 1985-го население Германии растет благодаря притоку иммигрантов, перекрывающему естественную убыль. В целом по Европейскому союзу миграционный прирост населения за 1990–1999 годы достиг 8,7 млн человек, притом что общий прирост населения за этот период составил 12,7 миллионов. Прогнозируемый на ближайшие 20 лет миграционный прирост превышает 700 тыс. человек в год.

Особенно показателен опыт США. Упомянутое выше сокращение населения России на 5,2 млн человек за 10 лет приходится

«Монгольский осьминог схватил Австралию». Филиппа Мэй. Журнал The Bulletin, 1886.

рассматривать на фоне небывалого прироста населения США – 32,7 млн человек за 10 лет между переписями 1990 и 2000 годов; это самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в американской истории. Число жителей США будет увеличиваться и впредь. Согласно прогнозу ООН, США, которые в 1950-м находились на третьем месте в мире (если не считать СССР), сохраняют третье место и в 2050 году, тогда как Россия за те же сто лет передвинется с 4-го на 18-е место. Демографическое положение Америки сейчас намного лучше и нашего, и европейского: рождаемость выше, смертность ниже, естественный прирост положительный. И тем не менее США принимают очень большое число мигрантов (8,7 млн человек за 1990–1999 годы, то есть столько же, сколько Европейский союз, хотя по численности населения США – это менее 60% ЕС), а долгосрочный демографический

фический прогноз предусматривает, что миграционный прирост американского населения за первую половину столетия составит примерно 45 млн человек.

Есть еще один аспект проблемы. Страны-реципиенты привыкли считать, что контролируют миграционные потоки в своих интересах. Так, по-видимому, полагают и российские власти, уверенные, что все ключи находятся в их руках: как они решат, так и будет, а спорить можно лишь о том, какое решение оптимально с точки зрения внутренних интересов России.

Эта логика действовала на прошлом, уже завершившемся этапе миграционного взаимодействия развитого и развивающегося мира. Главный «мотор», приводивший в движение миграционные потоки, действительно долго находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели собственные движущие силы и, нарастая, все больше отражают ситуацию в странах – поставщиках мигрантов да и в мире в целом. «Золотой миллиард» превращается в мировое меньшинство, и способность противостоять натиску окружающих его миллиардов жителей Третьего мира падает: еще недавно их было всего два миллиарда, сейчас уже пять, а будет еще больше.

Когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают каналы нелегальные. По некоторым оценкам, в середине 1990-х число нелегальных мигрантов в США приближалось к 5 миллионам, в Европе – к 3 миллионам. О миллионах нелегальных мигрантов говорят и в России. Незаконная миграция все явственнее выходит на первый план, превращаясь в источник крайнего беспокойства политиков и общественного мнения в странах-реципиентах.

За всем этим стоит демографическое давление перенаселенного Третьего мира на страны «золотого миллиарда». Оно, безусловно, будет быстро нарастать, и контролировать его с каждым годом станет сложнее. Совершенствование способов миграционного контроля приводит и ко все более изощренным методам нелегального проникновения. Нет сомнений, что перераспределение населения между перенаселенными и депопулирующими странами само по себе есть некий ответ на многие вызовы, порожденные демографическими изменениями XX века. Но этот ответ, в свою очередь,

превращается в новый вызов, и он может стать самым главным вызовом наступившего столетия.

При определенных критических обстоятельствах демографическое давление Юга на Север способно соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабной перекройке политической карты мира и т. п. На фоне такого рода угроз рутинная экономическая миграция, позволяющая «выпускать пар» из перегретого котла Юга и не доводить дело до взрыва, выглядит все же менее опасным решением. Но считать его абсолютно безопасным тоже нет оснований.

Демографические массы обоих «миров» несоизмеримы. Потенциал дешевой рабочей силы из развивающихся стран практически безграничен, тогда как потребности развитых стран все же довольно жестко ограничены. Существуют и другие пределы их миграционной ёмкости, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, носителей других культурных традиций, стереотипов и т. д. До тех пор пока число таких иммигрантов невелико, они ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются. Возникающие межкультурные напряжения усиливаются объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Конфликтогенность ситуации повышается и вследствие самого процесса адаптации носителей традиционных сельских культур стран Третьего мира к современной городской культуре промышленных стран. На этом пути неизбежна их культурная маргинализация, по крайней мере временная, неминуем кризис культурной идентичности. Положение обостряется еще и тем, что такой кризис нарастает и в самих странах Третьего мира, постепенно продвигающихся по пути модернизации. Все они вступают в качественно новый, болезненный этап внутреннего культурного конфликта, жесткого противостояния ценностей традиционализма и модернизма.

Этот конфликт развивается на фоне быстро нарастающих притязаний новых социальных слоев, которые порождены модернизацией и сохраняющимся, а иногда и растущим экономическим и социальным неравенством, всеобщей бедностью и пр. Рано или поздно он затрагивает и основную массу крестьянского населения. Последнее также все явственнее испытывает давление модернизационных перемен (к числу которых, кстати, относятся и демографические: быстрое снижение смертности и ускорившийся рост населения). Неготовность принять перемены, без которых невозможно жить в современном мире, выливается в массовое неприятие всего нового, в агрессивное отторжение всех «городских», «западных» нововведений. Повсеместно ширится смутное общественное недовольство, создающее идеальную почву для политического, идеологического, религиозного экстремизма.

Иммигрантские анклав в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли, сохраняющие с ними связь и в то же время особенно раздираемые противоречиями культурной идентификации, весьма восприимчивы к упрощенным «фундаменталистским» идеям. Им представляется, что эти идеи помогают избавиться от культурной раздвоенности и вновь обрести свое целостное «я». При этом процесс ассимиляции блокируется, и многие иммигранты оказываются в оппозиции к принимающим их обществам.

Использующие иностранную рабочую силу промышленные страны постепенно начинают ощущать ограниченность своей иммиграционной ёмкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения, формируется соответствующая мифология. Нередко она увлекает даже интеллектуальную элиту, но по своему уровню мало отличается от мифологий, блуждающих в среде полуграмотных маргинализованных иммигрантов.

Сказанное в полной мере относится и к России. Наряду с другими пережившими демографический переход странами она нуждается в мигрантах, испытывает миграционный напор извне и не может не ощущать объективные границы своей миграционной ём-

кости. Как и повсюду, они зависят от положения на рынке труда и, в особенности, от «пропускной способности» адапционных и ассимиляционных механизмов, скорости адаптации и культурной ассимиляции иммигрантов.

Но у России есть и свои особенности, усугубляющие ее положение. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, включая такие важные для наступившего века, как сельскохозяйственные угодья, пресная вода, энергоносители. Это усиливает и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного Юга. Миграционные перспективы России не радужны, если рассматривать их с геополитической точки зрения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток не только не привел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и рано или поздно мог бы способствовать активизации территориальных притязаний Китая.

Разумеется, границы миграционной ёмкости России, как и любой другой страны, нельзя считать слишком жесткими. Миграционную ёмкость можно увеличить путем проведения особой политики, направленной на расширение «узких мест». Но и такая политика, даже весьма активная, способна лишь несколько раздвинуть миграционные границы, но не устранить их.

К сожалению, данный анализ не располагает к оптимизму. Демографические вызовы, на которые придется отвечать России, чрезвычайно остры. Поиски ответов на них, конечно, необходимы, хотя и ведутся они пока крайне вяло. При этом нельзя не видеть: жесткие условия внутрироссийских и мировых реальностей не оставляют обществу большого выбора. Нет ничего более опасного, чем плодящиеся в недрах наших министерств чиновничьи «концепции», обещающие скорое решение неразрешимых проблем. Нужно не сеять иллюзии, а попытаться увидеть суровую правду. Только в этом случае, возможно, начнутся поиски действительных и, вероятно, нетривиальных ответов на настоящие вызовы. А предлагать простые, как мычание, ответы на головоломные вопросы истории – значит разоружаться перед лицом весьма серьезной опасности.